

«Московский комсомолец»
9 декабря 1961.

С ТЕБЯ СПРОСИТСЯ БОЛЬШЕ...

Teatr

Формирование личности художника, возмужание его таланта... Не столь уж много на нашей сцене серьезных попыток решения этой благородной и очень непростой темы. Поэтому, скажу сразу, мне дорог новый спектакль Московского театра драмы и комедии «Фантазия для скрипки», хотя он и небесспорен и удался далеко не во всем.

Б. Метальников написал драматическую хронику, очень дробную, составленную из множества картинок и густо населенных героями, многие из которых появляются в одной-двух картинах, чтобы потом исчезнуть без следа. Композиция пьесы выдает в Метальникова кинодраматурга. И, казалось бы, не с техническими возможностями Театра драмы и комедии, который даже вращающегося круга сцены не имеет, браться за ее постановку.

И все-таки главный режиссер театра А. Плотников взялся. Он и художник М. Виноградов приложили немало усилий, чтобы «уместить» этот спектакль на крохотной и не очень удобной сцене. Технические затруднения все же не разрешены до конца, это порой очень мешает восприятию. Есть у театра с драматургом и еще кое-какие расхождения. Однако в главном они оказались единомышленниками.

...В глубине сцены — оркестр и строгий директор за пультом. Выходит скрипач в концертном костюме, конфеты объявляет: «Сейчас будет исполнена «Фантазия для скрипки». Исполняет автор — Андрей Рогачев». Попались в зал первые звуки, и не видно уже ни оркестра, ни скрипача. Освещается передняя часть сцены. Начинается действие пьесы.

Оркестр появляется перед началом каждого действия, возвращаясь он и в конце. Спектакль словно взят в рамку. Он весь — воспоминания, мысли Андрея о прожитом, которые вложил от в свою музыку, в свою «Фантазию для скрипки».

Роль Андрея Рогачева играет А. Шворина, участник смагра театрального молодежи столицы. Именно о его работе хотелось бы сказать подробнее: главные достижения спектакля связаны прежде всего с ней.

Первое впечатление актера на сцене. Потрясающий, благоустроенный дом старого профессора музыки. И там пелено, несвойственно выглядит в этой обстановке нечесый, диковинный подросток, которого мучительно стесняет «прличная» одежда — беспризорник, недавно подобранный на улице. Контраст разительен, и Андрей, к которому очень рано пришло недетское понимание жизни, болезненно чувствует это. И ходит, осторожно ступая, оглядываясь, словно боится все время что-то разбить: и мучительно смущает-

ся, поставленный перед необходимостью признания бесконечно слов; и почти инстинктивно имеется все время к стенам, чтобы как можно меньше попадаться на глаза.

Актер привлекает с самого начала, но в этой первой сцене, признается, и настороживает несколько. Очень уж внешние данные Шворина не соответствуют обличию 18-летнего беспризорника. Вероятно, он и сам почувствовал это, а потому «неуверенность, скованность дают о себе знать».

Подлинная сценическая свобода приходит в автору позже — там, где Андрей уже взрослый человек, молодой талантливый музыкант, узнувший первый успех. По схеме все выходит примитивно, знакомо: стал знаменитым, завелась новая и помповая высокомерная любовь к людям. Было многое, с кого и спросится больше, чем с других. Как с художника. И просто как с человека. Об этом-то и начал забывать Андрей Рогачев.

Но работа его самого многообразна и сложна. Дело, мне думается, в том, что Андрей в спектакле все время чист перед собой и перед окружающими; так, по крайней мере, он сам искренне считает.

Однажды зашла к нему в дом Алена, девушка, которую он много лет не видел и с которой его связывает очень многое. Андрей по-настоящему обрадовался, только вот зашла она как-то не вовремя. И он, назначив Алеше сиденье на следующий день, не слишком удивил ее, когда она собралась уходить. Так ведь не эта же он в конце концов, не мог знать, что она в отчаяньи, безвыходном положении!

Повстречался с другом прежних лет, бывшего по племчу, смеется неестественно громко — очень невыносимо, фальшиво себя чувствует. И признается: бывает так, живешь с человеком душа в душу, а потом разбросает судьба в разные стороны, новые знакомые появятся, новые интересы; встретишься — говорить не о чем. И вроде не виноват никто, и все же чувствуешь себя виноватым... В самом деле, разве не бывает?

Андрей Шворина и деликатен, и обаятелен, и поведение его вроде бы предсудительным не назовешь.

Более того, ушла Алена, и в следующем мигу у него вырывается: «Я, кажется, сделал что-то... нехорошее». Человеку несостыдливому, черствому разве такое в голову пришло бы? И все-таки что-то случилось с ним, в самом деле нехорошее.

Люди, с которыми стала вала молодого скрипача жизни, — и высокообразованные, и малограмотные отнеслись к нему удивительно бережно, чутко. И Андрей привык к человеческой доброте, стал воспринимать ее, как нечто само собой разумеющееся.

Да, бережность, чуткость к талантливому человеку для наших людей естественны и обыдны. Но столь же естественным должно быть и другое. Полная, безраздельная внутренняя отдача художнику, его посвященная душевная восприимчивость и самоотверженная любовь к людям. Было многое, с кого и спросится больше, чем с других. Как с художника. И просто как с человека. Об этом-то и начал забывать Андрей Рогачев.

Так строгий характер Шворина, totally улавливающий глубинные течения пьесы. Вот только довольно откровенное хамство Андрея по отношению к жене психологически мало оправдано. Это неточно я противоречит самаре пьесы. Вероятно, даже дурным традициям: лучше сказать в лоб, а то, не дай бог, притирь поймет что-нибудь не так..

Война, фронт помогли Андрею понять истинную цену человеческой доброты. «Таких, как он, если по одному считают... Неужто мы свое народное достояние уберечь не сможем?», — очень буднично, без всяких пафоса заметил старшина Иван Иванович, отправляя Андрея с донесением в тыл в лучше других знала, что оставшиеся на позиции никогда уже не вернутся домой. Мукастственно, сдержанно, без намека на мелодраматическую чувствительность играет актер потрясение Андрея.

Военные сцены — лучшие в спектакле. И если раньше Шворина доводило явственно выделиться и то уровню мастерства, и то удельному весу своей роли, то здесь он как будто бы даже уходит на второй план. Режиссер, мне думается, сознательно «потеснил» Андрея и разработал эпизодических героев гораздо тщательнее, чем в предыдущих картинах, придав каждому из них человеческую весомость, индивидуальность.

Поэтому мы повернули: именно на фронте сумел погнать Андрея до конца, чем он обязан старому профессору музыки, и водруге своего беспризорного детства Алена, девушке с трудной, неустроенной судьбой, и шумливым ребятам из комсомольского общежития, и этим солдатам в проникновенных, пропитанных солью гимнастерах...

И. ШЕРБАНОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Фантазия для скрипки». Слева направо: Андрей Рогачев (артист А. Шворина), Павел (артист Ю. Гомозов), Маруся (артистка А. Вернова).